

ледоход

Был ночью снег. Последний бастион,
стыдливо оседающий в канаве,
застыл на время. А на переправе –
не протолкнуться. Разгребая сон,

весна шагает в мир по спинам звёзд.
Ломая лёд, где рвётся там и тонко,
с пленительною грацией ребёнка,
сжигающего свой последний мост,

не думая о том, что – подо льдом,
что вынесет разбуженной водою.
Того, что намело, уже не скроют
сугробы. Рыбы воздух ловят ртом,
чтобы понять, насколько он пригоден
для жизни. И для смерти при народе.

капель

Шаманит нежный сказочник-апрель,
подмешивая в воздух осторожно
надежды. Тихо, глухо и тревожно,
стучит по крышам первая капель.

И тот, кто без зонта по бездорожью
отправится, промокнет утром хмурым,

шальные капли, как все пули – дурры,
в том смысле, что летят в лицо прохожим

неосторожным. Кружит вороньё
над серым непроцеженным рассветом,
раскладывая утро на куплеты,
выклёвывая явное враньё,
о том, что безмятежным будет лето
для всякого, кто пропоёт об этом.

бездорожье

Нам ночь бы продержаться. На восток,
как можно дольше, дальше – от заката,
в багровом небе молния чревата
оборванными снами между строк.

Бессонницы бессильного Пилата
обходятся недёшево. Но срок
уже назначен. Вряд ли всем по сто
нам одиночеств. В чём ты виновата,

прекрасная, безумная страна?..

Так мало – сил, так много – обелисков,
расплавленное солнце слишком низко,
и слишком близко – третья сторона
медали. Дали?.. Кто-нибудь, услышь нас.
Мы даже – не в пути, мы только – вышли.